

Приёмный отец Ши Хао и приёмная мать Чэнь Шань были простыми, добрыми людьми. Оба работали на красильной фабрике в городе А, семья была с двумя работающими, финансовое положение неплохое. Вот только к тридцати годам у них так и не появилось своих детей.

Увидев в приюте белого, мягкого, послушного малыша, они пришли в восторг и оформили усыновление. Троица прожила несколько лет душа в душу.

Но счастье длилось недолго. Осенью 1997 года бурная волна сокращений наконец накрыла и этот относительно отсталый северный городок. Отец и мать Ши оба потеряли работу.

В то время государство поощряло переобучение и самозанятость уволенных рабочих. Родители Ши Сяо, используя накопленные за годы сбережения, открыли крошечный ресторанчик. Они вкалывали с утра до ночи. Сначала немного уходило в минус, но постепенно дело пошло, и доход стал даже чуть выше, чем прежняя фиксированная зарплата.

Но Ши Сяо был слишком невезучим.

С детства он выглядел мельче сверстников — мягкий, белый, маленький комочек, словно хрупкая фарфоровая куколка.

Выходил поиграть с ровесниками в вышибалы, запустить волчок, погонять шарики — случайно упадёт и уже перелом. Да ещё его постоянно чуть не сбивали машины.

Ши Хао и Чэнь Шань, вне себя от тревоги и злости, в конце концов перестали выпускать его на улицу. Купили книжек с картинками, игрушек и заперли Ши Сяо дома.

Но даже это не могло остановить врождённое, тотальное невезение, пронизывающее его до костей. Топишь углём — отравишься угарным газом; используешь баллонный газ — найдётся утечка; возьмёшь фруктовый нож, чтобы очистить яблоко — попадёшь по артерии; захочешь пить, глотнёшь воды — поперхнёшься так, что лёгкие выкашлиаешь.

В итоге Ши Сяо из года в год проводил в больнице минимум полгода. Больница стала ему почти вторым домом.

Янь-ван ткнул длинным пальцем в экран, в щёчку на фотографии.

«Маленький несчастняжка», — подумал он.

Он уже собрался читать дальше, как GPS-система полной локации в мире людей издала звук уведомления «дин-дон», показывая, что душа Ши Сяо успешно вернулась на место.

Янь-ван, слегка склонив голову, подумал мгновение, открыл WeChat и добавил Ши Сяо.

Тот быстро принял запрос и прислал сообщение: «Простите, а вы...»

Янь-ван лёгким движением пальцев коснулся виртуальной клавиатуры и лаконично ответил: «Янь-ван.»

Ши Сяо: «... Я спрашиваю ваше настоящее имя.»

Янь-ван подумал, что этот малец и вправду смел, раз осмелился спрашивать настоящее имя Владыки Преисподней. При этой мысли уголок его рта едва заметно дрогнул.

Совсем чуть-чуть, так что он сам не заметил.

Янь-ван: «Ты первый, у кого хватило духу спросить моё истинное имя. Малыш, ты храбр.»

Янь-ван: «Мою фамилию зовут Би, имя Лан.»

Прошло десяток секунд — ответа не последовало.

Янь-ван поднёс телефон ко рту и мрачно произнёс: «Слышал... ты хочешь, чтобы я проваливал?»

Тот ли от страха, или по другой причине — больше не отвечал.

Даже Нефритовый император не смел оставлять его сообщения без ответа, а этот малец — какой наглец!

Янь-ван отбросил телефон в сторону, провёл длинными пальцами по колёсику мыши, прокрутив до самого конца — он хотел посмотреть, как же этот бесстрашный малец умер.

Пробежав текст по диагонали, лицо Янь-вана вновь омрачилось, а взгляд стал ледяным и острым.

Этот безумный отребье... почему ещё дышит?

Похоже, пора снова устроить всеобщую проверку Книги заслуг мира людей. Этот отребье по фамилии Сюэ... станет первым примером для показательной расправы.

Янь-ван снял свою тёмную, с облачным узором, длинную мантию и облачился в строгий, консервативный костюм в стиле чжуншань — он помнил, что больше месяца назад, когда он был в мире людей, многие там так одевались.

Бесстрастно поправив перед зеркалом воротник, он спросил дежурившего рядом демона-слугу: «Если я явлюсь в мир людей в таком виде... не напугаю ли я людей?»

Демон-слуга про себя пробормотал: «Сейчас какое время, а он в костюме прошлого века, конечно, напугает», но при Владыке Янь-ване он разве посмеет сказать такое?

Помявшись, он подобрал более мягкую формулировку: «Этот наряд на вас очень мужественен, только, пожалуй, воинственный дух... чересчур силён.»

«Хм, — Янь-ван на мгновение задумался, затем расстегнул пуговицы и снял костюм. — Тогда в какой одежде я буду выглядеть более... мягко?»

Он с лёгким раздражением подумал, что этот малец хоть и смел, но судьба у него слишком хлипкая. Право, такие слабые, милые, дохлые с одного касания существа — суцая морока!

Как бы не вышло, что он его ненароком снова до смерти напугает.

Демон-слуга, дрожа, подал ему тёмно-серый костюм и очки в золотой оправе. Он подумал, что взгляд Янь-вана слишком пронзителен, может, очки немного его приглушат?

Такой образ очень напоминал молодых профессоров из высших учебных заведений мира людей.

«Профессор? — Янь-ван переоделся. — Похоже?»

Демон-слуга: «...Похоже.»

На самом деле — не похоже.

Собственная аура Янь-вана была уж слишком леденящей и зловещей. Даже в очках он был не похож на профессора, а скорее на красивого маньяка-убийцу.

Но таких слов демон-слуга, конечно, произнести не посмел.

Итак, Янь-ван, похожий на красивого маньяка-убийцу, явился в частную больницу «Жэньань».

Ещё сквозь стену он услышал, как тот отребье рыдает у кровати, горючит чушь и льёт крокодиловы слёзы.

Он подумал, что у этого кролика уши длинные, значит, и характер, наверное, мягкий. Если бы он не подоспел вовремя, этот отребье наверняка снова бы его обманул.

И умер бы, не ведая как.

Глупый кролик!

Янь-ван уже собрался войти и покончить с отребье, но в этот момент услышал, как Ши Сяо сказал: «Ты знаешь, как я получил травму.»

Голосок у кролика был тихий, с лёгкой приятной тягучестью, звучал совсем не грозно, но интонация была твёрдой.

Рука Янь-вана, уже лежавшая на двери, замерла.

Он решил послушать, как Ши Сяо будет действовать дальше.

Послушав пару фраз, Янь-ван невольно мысленно цыкнул: этот малец, оказывается, не так уж и глуп. Логика стройная, умозаключения верные, головка-то соображает.

А затем он услышал, как отребье закатил театральное представление, и его острые, как клинок, брови слегка сдвинулись, а в глазах вспыхнул леденящий до предела свет.

Услышав, как отребье нагло заявляет «никогда не буду тебя презирать», Янь-ван не выдержал. Легко взмахнул правой рукой — и дверь бесшумно отворилась сама собой, затем чуть сжал пальцы.

Отребье, словно пустой мешок, был поднят в воздух невидимой силой и с грохотом швырнут о стену.

Янь-ван наконец увидел кролика во плоти.

В отличие от неподвижной картинки, этот кролик был живым, сочным.

Кожа белая, словно лучший бараний жир-нефрит, глазки большие, круглые, влажные. От недавних слёз на белках ещё виднелись красные прожилочки, личико бледное до невозможности, на ресничках застыли крошечные прозрачные слезинки, розовые губки чуть опущены уголками — от всей его фигурки веяло естественной, природной жалобностью.

Сразу представлялось, как в своей истинной форме он поджимает трёхраздельный ротик и

опускает длинные мохнатые уши.

Просто невыносимо мило.

Янь-ван почувствовал, как его окаменевшее за миллионы лет сердце с лёгким хрустом дало ещё одну маленькую трещинку.

Дабы не напугать малого, Янь-ван — (который считал, что выглядит как учёный преподаватель, но на деле был похож на маньяка-убийцу) — одарил слабого, милого, незащищённого кролика доброй, успокаивающей улыбкой.

На самом деле эта улыбка больше походила на... зловещую усмешку маньяка-убийцы.

Ши Сяо инстинктивно вздрогнул, съёжился и подумал, что этот внезапно появившийся мужчина выглядит очень страшно.

Неужто это тот самый господин Цзи?

При этой мысли его личико мгновенно побелело.

Янь-ван: «...»

Он же постарался одеться как учёный препода... то есть профессор! Всё ещё страшно?

И тогда он улыбнулся ещё «добрее», смягчив голос, словно волчица, заманивающая деток:

— Не бойся. Я не причиню тебе зла.

Сюэ Сэнь наконец пришёл в себя и, настороженно глядя на вошедшего незваного гостя, спросил Ши Сяо:

— Кто это?

Янь-ван холодно взглянул на него, не удостоив ответа, и повернулся к Ши Сяо:

— Он только что лгал. Это он собственноручно «преподнёс» тебя Цзи Ланю. Всё ради роли второго плана.

Сюэ Сэнь, не ожидавший, что его вдруг разоблачит посторонний, внутренне дрогнул и запаниковал:

— Ты врешь!

Янь-ван даже не взглянул на него, лишь тонкие губы приоткрылись:

— Отребье.

<http://bllate.org/book/16255/1462121>